

УДК 1:[32.019.51:654.19:321.7]

Ершова Т. С.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

В статье анализируется взаимосвязь двух важнейших характеристик современного общества. С точки зрения технологий это общество определяется как информационное, а в сфере политической его отличительной чертой является демократизация. Развитие информационных технологий ведет к медиатизации политики, влияние которой на развитие демократии неоднозначно. Следствием формирования «теледемократии» является упадок роли партий и утрата политической субъектности простыми гражданами, тогда как Интернет способствует активизации социальных движений и демократизации публичной сферы.

Ключевые слова: медиатизация политики, демократизация, телевидение, Интернет, социальные движения, политические партии.

У статті аналізується взаємозв'язок двох найважливіших характеристик сучасного суспільства. З точки зору технологій це суспільство визначається як інформаційне, а в політичній сфері його відмінною рисою є демократизація. Розвиток інформаційних технологій призводить до медіатизації політики, вплив котрої на розвиток демократії неоднозначний. Наслідком формування «теледемократії» є занепад ролі партій та втрата політичної суб'єктності звичайними громадянами, тоді як Інтернет сприяє активізації соціальних рухів і демократизації публічної сфери.

Ключові слова: медіатизація політики, демократизація, телебачення, Інтернет, соціальні рухи, політичні партії.

The paper presents analysis of the relationship between two important features of contemporary society. It is characterized as information society taking into account the impact of information technology on social development, and as for the political sphere it's distinctive feature is democratization. The development of information technologies leads to mediatization of politics, which influence on the development of democracy is ambiguous. The formation of «teledemocracy» calls forth the decline of political parties and the loss of political subjectivity by ordinary citizens, while the Internet helps to enhance the social movements and democratization of public sphere.

Keywords: mediatization of politics, democratization, television, Internet, social movements, political parties.

XXI век проходит под лозунгом демократизации и бурного развития информационных технологий. Демократизация понимается не только как переход от недемократических режимов к демократическим и утверждению демократических институтов, о чем говорил Самюэль Хантингтон [14], но и как совершенствование, углубление уже существующей демократии, усиление влияния граждан на политику, о чем говорит Роберт Даль [5].

Что касается развития технологий, то на сегодняшний день мы имеем дело с нарастающим влиянием средств массовой информации, в частности телевидения, и сети Интернет на все сферы жизни общества, в том числе и на политическую. Это делает *актуальным* анализ такого неоднозначного и сложного явления, как медиатизация политики, или, другими словами, «процесса перемещения содержания политической деятельности, политических смыслов в символическое пространство средств массовой информации» [12].

Цель данной статьи: исследовать положительные и отрицательные стороны медиатизации политики с точки зрения демократизации. Реализация этой цели предполагает решение таких *задач*:

- определить основные черты воздействия телевидения на политику;
- исследовать влияние Интернета на политическую активность граждан.

Степень разработанности: Данная тема исследовалась, в той или иной степени такими авторами как Патрик Шампань, ЖанБодрийяр, Ги Дебор, Норберт Болц, Данило Дзоло, Мануэль Кастельс, Колин Крауч, Джон Кин, Самюэль Хантингтон, Ален Турен, Михаил Безносков и другими. В статье мы опирались на работы названных авторов, которые, однако, рассматривают лишь отдельные аспекты заявленной темы, к примеру, влияние опросов общественного мнения на результаты выборов (П. Шампань), трансформация политических партий под влиянием телевидения (К. Крауч, Дж. Кин). М. Безносков

анализирует взаимодействие СМИ и политической сферы, акцентируя внимание в основном на телевидении и его влиянии на политику, и лишь вскользь оговаривая негативное влияние Интернета. Он не рассматривает Сеть как интерактивную среду политического участия и противодействия граждан манипулятивным стратегиям политических партий, а, следовательно, как фактор превращения первых в политических субъектов [1, с. 32-36]. В данной статье на основе анализа работ вышеуказанных авторов сделана попытка более полного осмысления и исследования проблемы медиатизации политики с точки зрения демократизации.

1. Взаимодействие политики и телевидения как основного средства массовой информации

Телевидение начало развиваться с 1920-х годов. На сегодняшний день оно является одним из самых распространенных средств массовой информации и многие уже просто не представляют себе жизнь без него. Хотя роль телевидения заметно падает в XXI веке, когда бразды правления в мире информации и коммуникации постепенно передаются сети Интернет, всё же для большинства граждан телевидение является основным источником информации, тогда как доступ к Web-ресурсам есть далеко не у всех. В связи с этим большинство людей интересуется телевидением, как окном, которое показывает, что происходит в мире. Телевидение дает возможность быть в курсе событий и экономит наше время.

В основном трансляция информации происходит в формате телевизионных новостей, развлекательных ток-шоу, рекламы. Это представляет собой, как утверждает Н. Болъц, «инфотейтмент» [3, с. 35], в котором акцент ставится на зрелищность событий с целью произвести нужный эффект на зрителя, играя его эмоциями. Телевидение в гораздо большей степени, чем радио и газеты влияет на зрителя именно потому, что работает с яркими образами и эмоциями. «В телевидении поэтому решающую роль играет не коммуникативная, а экспрессивная компетенция» [3, с. 28].

Влияние телевидения на зрителей активно используется в политике. Всё чаще телевидение представляет нашему вниманию различные интерактивные ток-шоу, в том числе и политические, чем формирует чувство непосредственной причастности к событиям, происходящим в обществе, что, в свою очередь, побуждает к участию в политической жизни. В результате этого, на первый взгляд, может показаться, что влияние телевидения на политику способствует демократизации. Однако, всё не так просто, ведь если политические деятели хотят успешно использовать телевидение, то им самим приходится играть по его правилам, следовать его внутренней логике. Тем самым меняется облик политики. Последняя превращается в политейтмент – «единство новости, рекламы и развлечения» [3, с. 57]. Так же, как и истории развлекательных передач, ток-шоу, новостей, политические истории должны быть зрелищными, интересными, иметь продолжение, а поэтому в их основании должен быть конфликт. Это те необходимые условия, соблюдая которые можно торговать политикой как хорошим, интересным развлечением.

Телевидение эстетизирует политику. И здесь важно не то, **что** говорится, а **как** это говорится. Как доказывает Ж. Бодрийяр, рассматривая имплозию смысла в средствах массовой информации, в них не важен смысл [2, с. 117-127]. Транслируемая информация не производит смысл, не стимулирует к коммуникации, а просто это всё разыгрывает, инсценирует коммуникацию с помощью телефонов для телезрителей, шоу талантов, где уверяют, что зрителя это касается напрямую, ведь здесь именно от него зависит, кто станет звездой и т.д. Так политика начинает обходиться без содержания, без идеи, а в спорах каждый заранее знает, на какой вопрос ему отвечать. В ней действительно теперь только то, что может быть заснято или сфотографировано. Функциональная логика телевидения требует событийности и зрелищности, отсеивая весь материал, не подходящий под этот формат. В парламенте трудно соблюсти такой формат, поэтому политика перемещается в телестудии, где она вверяется политтехнологам, демоскопическим агентствам и медиа-специалистам по рекламе, имиджу и т.д. Они определяют повестку дня и решают что важно, а что нет. В таких определенных рамках мнение каждого может быть разным, здесь человек может решать, согласен он или не согласен, но не ему решать, что признавать в качестве тематики, а что нет.

Такое общественное мнение дрессирует и порабощает собственное мнение индивида тем, что загоняет его в рамки тем, обсуждаемых общественностью. Тем самым простые граждане теряют свою политическую субъектность, превращаясь в пассивных потребителей политической информации, предоставляемой политтехнологами и медиа-специалистами. В связи с этим уместно будет вспомнить слова известного британского социолога К. Крауча: «Демократия процветает тогда, когда простые люди имеют возможности для активного участия – посредством обсуждения и автономных организаций – в формировании повестки дня общественной жизни, когда они активно используют эти возможности» [11, с. 17]. Он не имеет в виду то, что абсолютно все могут принимать активное, серьезное, осознанное, обдуманное участие в рассмотрении, дискуссии и выработке повестки дня вместо того, чтобы быть пассивными респондентами опросов демокопических агентств. Это идеальная модель, к которой нужно стремиться, и она необходима также для того, чтобы сравнивая с ней то, что сейчас происходит, мы могли реально оценить, в каком положении находится демократия, приближается она или отдаляется от идеала.

Медиа-специалисты определяют темы дебатов и создают образ политика на телеэкране как некую идеализацию ожиданий избирателей. В свою очередь, демокопические агентства заняты не выявлением общественного мнения, а его формированием и выравниванием путем продуманного и селективного обнародования статистических данных опросов общественного мнения, создавая тем самым самоисполняющиеся по кругу пророчества относительно результатов выборов, где всегда уже известно, кто победит [15]. Реальное голосование не так важно и во многом зависит от того, как «проголосует» метаэлекторат (проекция реальных избирателей), сфабрикованный телевидением. Тем самым реальные граждане оттесняются от электоральных дел. Они пассивные наблюдатели, объекты, которых медиа-специалисты и политтехнологи направляют в нужную сторону.

Таким образом, по словам Н. Больца, можно заключить, что мы имеем дело с медиа-демократией, которая «означает, что политическая общественность организуется согласно постановочным принципам массмедиа» [3, с. 58]. Д. Дзоло говорит о теледемократии, предполагающей, что политика осуществляется с помощью рекламных и демокопических агентств, медиа-консультантов, вне политического бюрократического аппарата [7, с. 285]. В такой теледемократии трансформируются и политические партии, переходящие к политике лидерского типа. Как отмечает Дж. Кин, «небывалое развитие средств массовой коммуникации, в особенности телевидения, сыграло решающую роль при формировании политики лидерского типа, а в этом случае организационные механизмы партии утрачивают центральное значение в реализации выборной стратегии» [9, с. 219]. Сама партия становится некой абстракцией, не важна ее программа, которая в настоящее время формируется по принципу «угодить всем». Содержание политических программ понимается как тормозящий элемент. Мы можем наблюдать, как отличия в политических программах разных партий, становятся всё менее различимыми, они дерадикализируются.

Уходит в прошлое трудоемкая пропаганда активистов партии, ведь телевидение позволяет напрямую обратиться к избирателям. На первый план выдвигается кандидат от партии, лидер, вернее его образ, который создается телевидением. Происходит персонализация политической коммуникации, что, как отмечает К. Крауч, было ранее характерно для диктаторских режимов, в которых партийная система и дискуссии находились на низком уровне развития, а, следовательно, такое изменение, вернее шаг назад, отнюдь не способствует развитию демократии [11, с. 43].

Создание выигрышного образа требует больших капиталовложений и партии более не представляют интересы рядовых граждан, а действуют в интересах тех, кто в состоянии оплатить расходы на предвыборную телекампанию, которая представляет собой тщательно срежиссированный, красивый, зрелищный спектакль. Согласно Г. Дебору, производятся спектакли под контролем власти, которая только тогда чувствует себя уверенно, когда лишь она одна является субъектом действия и производства ситуаций. Реальность подменяется ее разного рода репрезентациями [6]. Рядовые граждане в таких условиях постепенно теряют интерес к политике, не видят смысла в выборах и походе на избирательные участки. «Активисты и электорат не выказывают выраженного стремления самоидентифицироваться с партией <...> и либо занимают позицию некоего неотчетливого, отстраненного равнодушия, либо ограничиваются тактической поддержкой партии» [9, с. 221]. Налицо кризис партий.

Таким образом, взаимодействие политики и телевидения ведет к ослаблению демократии. Мы всё больше приближаемся к модели демократии, которую К. Крауч назвал постдемократией. «При этой модели, несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами» [11, с. 19]. Здесь граждане играют пассивную, безмолвную роль и реагируют только на передаваемые им сообщения. Этот спектакль избирательной игры прикрывает реальную негласную, закулисную политику, основывающуюся на сотрудничестве, кооперации избранных правительств с элитами, репрезентированными, главным образом, деловыми кругами, лобби, которые представляют интересы бизнеса. О равномерном распределении власти и богатства в постдемократии говорить не приходится. Эта модель демократии, безусловно, является преувеличением, что подчеркивает сам автор [там же]. На шкале оценки реальной демократии она представляет полюс, противоположный максимально демократической модели.

Но, как мы видим, в медиатизированной политике XXI проявляется достаточное количество ее черт. Однако, как утверждает К. Крауч, еще не всё потеряно. Он видит надежду в том, что «наши политические системы всё еще способны порождать массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам» [11, с. 8]. В условиях кризиса партий, падения их роли в качестве посредника между государством и гражданами, активизируются общественные движения. Благоприятной средой для последних становится Интернет.

2. Интернет как интерактивная среда политического участия граждан

Интернет является новой коммуникационной средой, которая начала широко распространяться в 1990-х годах и сегодня активно осваивается по всему миру, проникая во все сферы жизни общества, в том числе и политическую. Это Всемирная паутина, которая предоставляет массу новых возможностей: получение и обмен информацией, поддержание старых связей между людьми и создание новых и т.д. Она способна объединить людей, живущих в разных уголках Земли и имеющих общие интересы и цели, решая таким образом проблему географической удаленности и позволяя создавать и мобилизовать социальные движения, повышая уровень политической активности и участия граждан. Однако Интернет не только предоставляет новые возможности, но и создает новые проблемы. Это связано с тем, что Паутина может быть использована для достижения разных целей.

Прежде чем обратиться к механизму взаимодействия Интернета и общественных движений, рассмотрим, что же собой представляют эти движения, и какие цели они перед собой ставят.

Социальные движения А. Турен считает «фундаментальным условием демократической политической жизни» [13, с. 187]. Они являются добровольными объединениями граждан для достижения какой-либо цели и характеризуются подвижностью, динамичностью, как в своих целях, так и в организации. Эти движения действуют в интересах граждан, не только выражая несогласие с существующим положением дел, но и действуя в целях его изменения к лучшему, либо в целях блокирования нежелательных изменений в существующем общественном порядке. Социальные движения извне тормозят политические партии и заставляют их серьезно отнестись к требованиям граждан. Они, с одной стороны, стремятся воздействовать на политические элиты, чтобы последние принимали законы, защищающие права дискриминируемых групп, индивидов и т.д. С другой стороны, они также воздействуют на общественное мнение «с целью изменения укоренившихся норм, коллективных идентичностей и культурных ценностей» [4, с. 303], меняя сложившиеся представления и стереотипы, заставляя общество увидеть ранее игнорировавшиеся им проявления дискриминации. С каждым днем Интернет становится все более популярным средством организации и общения в самых различных сферах. Следовательно, его в своих целях организации, информирования, протеста, действия и противодействия будут использовать как политики, так и социальные движения. Пространство Интернета становится своеобразным полем борьбы.

Социальные движения XXI века объединяются, проявляют себя и функционируют в Интернете, который позволяет им быть гетерогенными и при этом скоординированными, дискутировать и не быть парализованными дискуссией.

Многие движения в 1990-х годах были организованы с помощью Интернета (например, движение Сапастиста в Мексике, китайское духовно-политическое движение Фалун Гонг). В наше время социальные движения характеризуются быстрой реакцией на сложившуюся обстановку, полуспонтанно мобилизуются, реализуя своё влияние на общественное мнение через Интернет, последствия чего позволяют воздействовать на институции и организации. Как говорит М. Кастельс, «это движения, которые захватывают власть над умами, а не государственную власть» [8, с. 140].

Следует также отметить, что Интернет технологически уязвим и это на руку активистам XXI века, желающим протестовать анонимно. «Они – хакеры-активисты, политически мотивированные компьютерные гении со всех уголков света, чей инструментарий варьируется от банального взлома до информационных бомб и организации массовых электронных беспорядков» [10]. Они проводят акции протеста путем взломов правительственных и военных сайтов и организаций, финансовых кампаний, которые стали объектами всеобщего недовольства.

В последнее время широкую известность получили активисты сетевого движения Anonymous, оказавшее влияние на гражданскую активность в Тунисе. «В знак солидарности с митингующими они провели серию DDoS-атак, в результате которых были выведены из строя 8 государственных сайтов и практически парализована агитационная машина тогдашнего правительства в Интернете» [16]. Они призывали добровольцев к самоорганизации через Интернет и предложили им техническую помощь и рекомендации, чтобы обходить цензуру и фильтры, противостоять блокировке сайтов со стороны режима Бен Али.

Однако неправильно думать, что действия хакеров направлены лишь на разрушения и взломы, ведь с 2000-х годов они начали создавать программы, помогающие пользователям Интернета, проживающим в государствах с авторитарными режимами уклоняться от Интернет-цензуры и бороться за свои права.

Таким образом, хакеры-активисты, используя техническую уязвимость Интернета, выступают против Интернет-цензурирования, проводят акции протеста, а также оказывают посильную помощь общественным движениям.

Нельзя не упомянуть о компьютерных сетях граждан, самой известной из которых является Амстердамский Цифровой город (DDS), экспериментально созданный в 1994 году с целью установить диалог между рядовыми гражданами Амстердама и городскими властями. Сайт предоставлял различные информационные ресурсы и позволял посетителям общаться друг с другом. Здесь можно было найти муниципальную доску объявлений, содержащую самые последние новости, касающиеся дискуссий, решений и документов, принятых местными властями, и граждане могли высказать свое мнение по поводу них, голосовать по поводу каких-либо проблем, устраивать акции протеста. Администрация Амстердама позволила соединить свою сеть с Интернетом в попытках обеспечить контролируруемую прозрачность. Но этот сайт не выдержал конкуренции с коммерческими сайтами. Кроме того, менеджеры увидели возможность заработать и превратили сайт в холдинговую компанию, в результате чего DDS далеко ушел от первоначальных целей сетевого сообщества – электронной свободной коммуны, трансформировавшись в коммерческого Интернет-провайдера, погрузившись в мир бизнеса «dotcom» [8, с. 145-151].

Итак, сетевые сообщества граждан могут контролировать власти, если, конечно, последние соглашаются дать доступ к своей сети. Это повышает прозрачность власти, участие в обсуждении и принятии политических решений гражданами. Однако опыт создания таких сообществ показывает, что они нуждаются в заботе и поддержке, как и любые сообщества в физическом мире, а также в ресурсах, позволяющих это осуществить. Но финансовая поддержка со стороны повлечет зависимость сообществ от источника получения денежных ресурсов. С другой стороны, если предоставить таким сообществам возможность зарабатывать средства самим, то в итоге это приводит к коммерциализации и отходу от первоначальных целей. Возможно, нужно найти разумный компромисс для того, чтобы добывание средств на обеспечение сообществ не превращалось в самоцель, а служило лишь средством для достижения целей, поставленных сетевыми сообществами граждан.

Конечно, возможностями Интернета стремятся воспользоваться не только рядовые граждане, но и правительства, которые хотят быть единственным субъектом действия и с этой целью используют Паутину как новый инструмент господства, создавая технологии, позволяющие контролировать потоки информации в Интернете и отслеживать коммуникацию в нем. К примеру, создаются фильтры, которые способствуют распространению Интернет-цензуры, препятствующей коммуникационным потокам, запрещенным правительствами в границах определенного государства. Это позволяет государству отвоевывать те возможности контроля, которые были ранее отобраны у него первооткрывателями Сети в результате первоначального безразличного отношения бюрократов к появлению Интернета.

Но это не останавливает борцов за свободу в Интернете, противопоставляющих технологиям контроля и слежения технологии свободы и борющихся за свои права, привлекая внимание политиков к своим требованиям и проблемам. Интернет, конечно, не может заменить политические реформы. «Однако, благодаря соответствующему выравниванию основы для символических манипуляций и расширению источников коммуникации, он таки делает свой вклад в демократизацию» [8, с. 164]. Благодаря Интернету люди могут контактировать на политической агоре, донося до политиков свои проблемы, надежды и ожидания. Таким образом, Паутина позволяет людям выступать в качестве субъектов политической коммуникации.

Подводя итог, мы заключаем: налицо двойственное влияние медиатизации на политику с точки зрения демократизации. Телевидение, с одной стороны, приводит к подмене политики ее медийным представлением, усугубляя тем самым кризис партий. Модулирование общественного внимания со стороны телевидения искажает процесс формирования общественного мнения, превращая граждан в пассивных потребителей политической информации, лишая их субъектности. Результатом является не развитие демократии, а сведение ее к чисто формальным процедурам. Однако с другой стороны, Интернет предоставляет не только правительствам, но и простым людям доступ к символическим манипуляциям. Он приводит к активизации и усилению роли социальных движений, которые посредством Паутины демократизируют публичную сферу, превращают граждан в субъектов политики, заявляющих на весь мир о своих проблемах, привлекающих внимание политических партий, что дает возможность влиять на их политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безносков М.А. «Медиатизация» политики и ее опасность для демократии / Михаил Анатольевич Безносков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2010. – № 891. – С. 32-36.
2. Бодіяр Ж. Симулякри і симуляція / Жан Бодіяр; [пер. з фр. В. Ховхун]. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 230 с.
3. Болыц Н. Азбука медиа / Норберт Болыц; [пер. с нем. Л. Ионина и А. Черных]. – М.: Европа, 2011. – 136 с.
4. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право / Нина Андреевна Бусова. – Харьков: Прометей-Пресс, 2004. – 352 с.
5. Даль Р. О демократии / Роберт Даль; [пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского]. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
6. Дебор Г. Общество спектакля: [электронный ресурс] / Ги Дебор; [пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович; под ред. Б. Скуратова]. – М.: Изд-во Логос, 1999. – 224 с. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/d/donini/debor_0.html.
7. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / Данило Дзоло; [пер. с англ. А.А. Калинина, Н.В. Эдельмана, М.А. Юсима]. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 318 с.
8. Кастельс М. Интернет – галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу, суспільства / Мануель Кастельс; [пер. з англ. Е.Г. Ганиш, А.Б. Волкова]. – К.: Ваклер, 2007. – 304 с.
9. Кин Дж. Демократия и гражданское общество / Джон Кин; [пер. с англ. Л.Б. Макеева, И.И. Мюрберг; послесл. М.А. Абрамова]. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
10. Клочкова М. Мышь прямого действия: [электронный ресурс] / Мария Клочкова // Коммерсантъ Власть. – Москва, 2011. – Вып. 910. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1581709/print>.

11. Крауч К. Постдемократия / Колин Крауч; [пер. с англ. Н.В. Эдельмана]. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.
12. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь: [электронный ресурс] / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. – 116 с. – Режим доступа: http://www.eunnet.net/metod_materials/jdictionary/?xsl=article.xslt&id=a109.
13. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Ален Турен; [пер. с фр. Е.А. Самарской]. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
14. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Л.Ю. Панфиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. – 368 с.
15. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / Патрик Шампань; [Пер. с фр. / Общ. ред. Н.Г. Осиповой]. – М.: Socio-Logos, 1997 – 317 с.
16. Anonymous и революции: [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webdiscover.ru/internet/frame-19846-anonymous-i-revolyucii.html>.